

После бессонной ночи Нин Цюянь проспал всё утро, почти полностью восстановив потраченные силы.

Проснувшись, он немного поиграл в недавно скачанную игру, затем оделся и вышел из комнаты. Проходя мимо лестницы, он бросил взгляд наверх.

На третьем этаже было тихо, даже свет в коридоре не горел.

Поколебавшись, Нин Цюянь не стал подниматься.

Он направился вниз и по пути встретил слугу, занимавшегося уборкой.

Тот, вооружившись шелковой тряпочкой, медленно и тщательно протирал большую напольную вазу в коридоре, двигаясь совершенно бесшумно.

Увидев Нин Цюяня, слуга вежливо кивнул ему.

Коридор уходил вглубь здания, ведя в каждый его потаенный уголок.

Это был еще один день на острове Ду, тихий, словно ночь.

Нин Цюянь вышел из дома, и его взору предстала ослепительная белизна.

Он обошел дом вокруг и, подняв голову, нашел окно своей комнаты, а посмотрев еще выше, увидел третий этаж, где обитал Гуань Хэн.

Все окна на третьем этаже были плотно задернуты шторами.

У Нин Цюяня было плохо с ориентацией на местности, поэтому он не мог понять, в какой именно комнате они вчера собирали пазл.

Тем более он не мог знать, в какой из этих темных комнат сейчас спит Гуань Хэн.

Гуань Хэн спал днем и бодрствовал ночью.

Его сон был настолько чутким, что вся архитектура здания подстраивалась под этот график.

Нин Цюяню нечем было заняться, но он больше не чувствовал скуки — вчерашний пазл, по-видимому, отлично помог ему унять тревогу. Он собирался прогуляться к озеру, но, проходя через небольшую поляну в лесу, наткнулся на слугу, который сушил лесные грибы.

Нин Цюянь впервые встретил кого-то из кухонного персонала.

Грибы, которые сушил слуга, были теми же, что он ел вчера вечером — вкус был превосходным. Он и не подозревал, что эти грибы растут прямо здесь, на острове Ду.

Слуга с огромным терпением развешивал на тонких веревках упругие грибные шляпки, словно создавал какое-то изящное украшение.

Хотя солнечного света не было, здесь была хорошая вентиляция, и грибы быстро сохли, чтобы их можно было сохранить надолго.

Нин Цюянь постоял там некоторое время, наблюдая за процессом.

Слуга заметил его, только когда обернулся.

Нин Цюянь в шерстяной шапке и толстом шарфе, с лицом размером с ладонь, выглядел очень послушным — внешность, которая легко располагает к себе.

Он спросил слугу, не те ли это грибы, что он пробовал вчера.

Они немного поговорили, и слуга рассказал, что еду для всех на острове готовит бабушка Бай, но она больше всего любит кухню и не любит выходить наружу, поэтому Нин Цюянь никогда ее здесь не видел.

Возможно, на острове были и другие люди, которых Нин Цюянь еще не встречал, да и мест, где он не бывал, оставалось предостаточно.

Нин Цюянь вдруг вспомнил, что дядя Кан как-то упоминал ферму, где разводят скот.

Говорили, что там держат коров, овец, оленей и других животных.

Он захотел взглянуть на ферму и спросил дорогу.

— Дорогу найти легко, она там всего одна, — указав направление, предупредил слуга, — но до нее довольно далеко. Если не хотите идти пешком, можете попросить дядю Кана прислать водителя, чтобы вас подвезли.

Расстояние было не таким уж огромным.

У Нин Цюяня впереди был целый свободный день.

Он не хотел никого беспокоить, поэтому, попрощавшись, пошел по указанной тропе.

Людей на острове мало, территория практически не освоена, поэтому найти тропинки возле главной дороги оказалось не так просто.

Нин Цюяню потребовалось время, чтобы выйти на нужную дорожку.

Снег лежал глубокий, но, к счастью, на дороге виднелись следы от тележек, а по пути стояли фонарные столбы, освещающие путь тем, кто начинал свою активность на острове лишь с наступлением ночи.

Следуя за фонарями, Нин Цюянь шел больше часа. По пути ему встретились две-три белки и олень с красивыми бархатистыми рогами.

Когда он уже начал сомневаться, не сбился ли с пути, он увидел среди деревьев ферму.

Это было несколько построек рядом с невысоким холмом.

Территория оказалась довольно большой, огороженной деревянным забором. В центре лежало несколько стогов сена, коровы и овцы лениво жевали траву, а новорожденный ягненок, шатаясь, стоял под брюхом матери, пытаясь сосать молоко.

Нин Цюянь слегка запыхался, по пути он немного вспотел.

Он несколько минут простоял у забора, глядя на этот пейзаж.

Зрелище было прекрасным.

Он достал телефон и сделал несколько снимков, а когда ягненок закончил пить молоко, обошел забор и направился к другой стороне.

В деревянном загоне держали оленей; там тоже было очень просторно. Животные неторопливо жевали сено, даже не заметив пришельца.

Нин Цюянь увидел здесь также домашнюю птицу, яйца в сене и небольшой огород, скованный морозом.

Но людей не было видно.

Возможно, работники фермы ушли трудиться в другое место.

В конце концов Нин Цюянь наткнулся на бойню.

Помещение площадью около десяти квадратных метров, где стояли петли, разделочные столы и лежали инструменты: железные крюки, острые ножи, топоры — всё это было аккуратно разложено в комнате.

Хотя здесь было очень чисто, на столах и полу отчетливо виднелись следы крови, вьёвшиеся за долгие годы.

В воздухе витал слабый запах сырого мяса.

На стене висела туша коровы, разрезанная пополам от живота. Вероятно, перед смертью она сопротивлялась — ее холодные глаза были широко раскрыты.

Нин Цюяню стало не по себе, подступила тошнота.

Он отступил на пару шагов и чуть не опрокинул стоящее в углу ведро.

В ведре плескалось немного крови — непонятно, коровьей или чьей-то еще. От толчка пяткой кровь в ведре всколыхнулась, и несколько капель брызнули на пол.

В голове Нин Цюяня внезапно возник образ.

Гуань Хэн в халате сидит в кресле с ленивым выражением лица, держа в руке бокал, наполненный ярко-красной жидкостью.

Его длинные волосы рассыпаны по плечам, он опустил голову, прикрыв глаза ресницами, и слегка отпил из бокала.

Затем он поднял взгляд, и в глубине его зрачков отразился темно-красный свет.

Сердце бешено заколотилось.

Нин Цюянь не хотел здесь оставаться и поспешно направился к выходу.

Проходя мимо загонов, он больше не оборачивался на живых, теплых, дышащих коров и овец.

Едва отойдя на небольшое расстояние, он столкнулся с кем-то лицом к лицу.

Он замер.

Это был тот самый мальчик, которого он встретил на корабле, когда впервые прибыл на остров Ду.

Прошел месяц, но выражение лица парня ничуть не изменилось — он по-прежнему выглядел так, будто к нему нельзя приближаться.

Мальчик толкал тележку, доверху нагруженную сеном. Одет он был как обычный работник фермы, наручников на запястьях уже не было — казалось, он полностью адаптировался к здешней жизни.

Значит, того парня, которого тогда увезли в фургоне, отправили сюда?

Можно ли считать это принудительным использованием незаконной рабочей силы?

В прошлый раз на корабле их общение не задалось, и Нин Цюянь не думал, что парень захочет с ним разговаривать.

Дорога была узкой, и когда тот проезжал мимо, Нин Цюянь инстинктивно отступил в сторону, услышав:

— Ты снова пришел.

Нин Цюянь был ошеломлен.

Первая мысль, мелькнувшая в голове: оказывается, он не немой.

Мальчик остановился перед ним.

Здесь были только они двое, и было очевидно, что он обращается к Нин Цюяню.

Нин Цюянь снова приехал на остров Ду.

Это входило в его планы, так что ничего удивительного в этом не было, поэтому он лишь коротко ответил:

— М-м.

Мальчик стоял перед ним, не меняясь в лице, и сказал:

— Прости за то, что тогда на корабле ты пострадал из-за меня.

Теперь Нин Цюяню стало неловко сохранять строгое выражение лица; он не был злопамятным человеком.

Раз уж тот извинился, он решил простить его:

— Ничего страшного, все уже в порядке.

— На острове Ду раны заживают очень быстро. Какие бы они ни были, если они не хотят, чтобы ты умер, всё заживет, — мальчик говорил так, будто что-то объяснял или на что-то намекал. — Поэтому тебе не стоило приезжать на остров с ранами.

Нин Цюянь встрепнулся и с тревогой спросил:

— Почему?

Но мальчик замолчал.

Мысли Нин Цюяня путались. Он вспомнил рану на своей ладони, а также того рабочего, которому олень проткнул поясницу.

Такая тяжелая рана, но доктор Лин сказал, что с тем парнем всё будет в порядке. Если верить словам мальчика, неужели рана того человека тоже исчезнет, как и порез на его собственной ладони?

Разве может существовать нечто настолько лишенное научного обоснования?

Они молча смотрели друг на друга.

Казалось, мальчик больше не проронит ни слова.

Возникла неловкая пауза.

Нин Цюянь решил сменить тему:

— Ты здесь работаешь?

— Два года, — ответил мальчик. — Я пробуду здесь только два года.

Нин Цюянь:

— ...Оу.

Вероятно, тот, как и он, подписал какой-то договор.

Мальчик по-прежнему был бесстрастен:

— Меня зовут Гуань Цзымин.

Сказав это, он толкнул тележку дальше.

Нин Цюянь простоял на месте довольно долго, прежде чем до него дошло, что тот ответил на его слова, сказанные на корабле: Привет, меня зовут Нин Цюянь.

Однако, раз уж этот мальчик тоже носит фамилию Гуань, есть ли у него какая-то связь с Гуань Хэном?

*

По дороге обратно Нин Цюянь всё время витал в облаках.

Остров Ду, Гуань Хэн — возможно, он уже начал что-то смутно осознавать, но не мог выразить это словами.

То, что он находил на форумах после того, как в прошлый раз опубликовал пост, теперь

казалось имеющим хоть какое-то отношение к происходящему здесь.

Но всякий раз, когда он вспоминал людей на острове или самого Гуань Хэна, всё это казалось бесконечно далеким от нелепых слухов.

Гуань Хэн внушал ему страх.

И в то же время дарил невероятное чувство безопасности.

Эти сложные чувства сплетались в удивительное ощущение, из которого Нин Цюянь не мог вырваться, словно попал в сети, из которых сам не хотел выбираться.

Стоя посреди леса, он внезапно остановился.

Он не заметил, как свернул с тропы, ведущей к главному дому.

Лес казался бесконечным.

Высокие пихты, уходящие в небо, сухой кустарник и где-то вдалеке береговая линия.

Нин Цюянь неожиданно заблудился.

Он пробовал идти в разные стороны, но не смог вернуться на тропу и не нашел дорогу обратно к ферме. Он достал телефон: компас работал, но он совершенно не помнил, где находится особняк — на севере или на юге.

Небо постепенно темнело.

Нин Цюянь обнаружил заброшенный белый маяк.

Оказалось, что он уже совсем близко к морю.

В телефоне оставалось тридцать процентов заряда, и он использовал его как фонарик, чтобы дойти до маяка.

Когда он толкнул дверь, облако пыли заставило его зайтись в кашле.

Внутри были какие-то электронные приборы, но они не работали, хотя электричество, к счастью, было.

Нин Цюянь нашел выключатель, зажег свет и поднялся по лестнице, надеясь увидеть дом с высоты.

Когда он добрался до самого верха, свет прожектора ослепил его.

Он случайно включил маяк.

Сердце немного успокоилось: говорили, что свет маяка виден за десятки километров. Если дядя Кан и остальные заметят, что он пропал, возможно, они увидят этот свет.

Впрочем, вскоре он нашел способ получше.

На маяке ловила мобильная связь.

Он открыл журнал вызовов — номер Гуань Хэна всё еще был там.

Увидев этот набор цифр, Нин Цюянь вспомнил слова Гуань Хэна:

— Твое тело, твои поступки, твои мысли — всё без остатка принадлежит мне.

— Я буду отвечать за все твои нужды, включая твою абсолютную личную безопасность.

— Запомни это.

Кончики пальцев Нин Цюяня онемели.

Он помедлил и нажал кнопку вызова.

Телефон ответил.

На том конце было очень тихо, но он знал, что Гуань Хэн слушает.

Он прикусил губу и постарался как можно короче перейти к сути:

— Господин Гуань, я ходил на ферму и теперь заблудился. Я на маяке. Вы видите свет?

Раздался голос Гуань Хэна, тон был по-прежнему спокойным:

— Вижу тебя.

Едва Гуань Хэн договорил, Нин Цюянь услышал шум мотора.

Небо уже полностью почернело.

К маяку подъехала машина, водитель вышел и помахал рукой в сторону верхушки башни.

Нин Цюянь немедленно вскочил и быстро побежал вниз.

Ночной ветер был пронизывающим, он продрог до костей и слегка дрожал.

Забравшись в салон, он увидел Гуань Хэна, сидевшего с краю на заднем сиденье, накинув на плечи пальто. Гуань Хэн смотрел на него тяжелым взглядом.

Нин Цюянь не знал, что Гуань Хэн в машине, и не ожидал, что тот приедет лично.

Он на мгновение опешил, его щеки вспыхнули от стыда за свою глупость и за то, что он посмел беспокоить его:

— Простите... Я не думал, что можно заблудиться на такой простой дороге... А в телефоне был только ваш номер...

Гуань Хэн держал телефон, экран еще не погас; он выглядел совершенно не сердитым.

Он прервал Нин Цюяня и произнес:

— Ты всё сделал правильно.